

nachale XX veka // *Filosofija prava*. 2014. № 5(66). S. 87–90.

15. Mihajlova E.M. Manifest 17 oktjabrja 1905 goda i politicheskoe protivostojanie v Povolzh'e v oktjabr'skie dni 1905 goda // *Vestn. Chuvash. un-ta*. 2013. № 4. S. 51–57.

16. Muhamedov R.A., Romanova A.V. Dejatelnost' starshih i mladshih gorodovyh obshhej policii (na materialah Simbirskoj gubernii) // *Izv. Samar. nauch. centra Ros. akademii nauk*. 2017. T. 19. № 3(2). S. 268–272.

17. Petrov A.V. Problemy organizacii obshhej policii v Rossijskoj imperii v nachale XX v. // *Vestn. Orenb. gos. un-ta*. 2004. № 3. S. 134–137.

18. Reent Ju.A. Obshhaja i politicheskaja policija Rossii (1900–1917 gg.). Rjazan': Uzoroch'e, 2001.

19. Romanova A.V. Organizacija ispolnitel'noj policii v uezdah Rossijskoj imperii v 1862–1917 gg. // *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2017. № 8. S. 90–93.

20. Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1263. Op. 4. 1905. D. 49.

21. Samarskaja gazeta. 1905. 25 okt.

22. Senchakova L.T. Krest'janskoe dvizhenie v revoljucii 1905–1907 gg. M.: Nauka, 1989.

23. Snegirev I.M. Bezopasnost' i policija. Vitebsk: Tip. Gub. pravl., 1912.

24. Tokareva S.N. Administrativno-ispolnitel'nye objazannosti policejskih upravlenij Rossijskoj imperii nachala XX stoletija // *Vlast'*. 2013. № 1. S. 141–145.

25. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO). F. 3. Op. 233. D. 193.

26. CGASO. F. 3. Op. 233. D. 1913.

27. CGASO. F. 3. Op. 233. D. 1922.

28. Jashvil' L.V. Pervaja russkaja revoljucija glazami simbirskogo gubernatora // *Slovo molodezhi*. 1991. 23 marta.

General police in the struggle against the revolutionary movement in the Volga region in 1905-1907

The article deals with the state of the general police in the Volga region on the eve of the first Russian revolution and the role of this structure in the system of local administration. Main attention is paid to the analysis of the struggle of police structures with the mass revolutionary uprisings in the region in 1905-1907.

Key words: *general police, local administration, governors, police guards, revolutionary uprisings.*

(Статья поступила в редакцию 31.07.2018)

Н.А. БОЛОТОВ
(Волгоград)

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ КАК МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20–30-е гг. XX в.

Освещаются важнейшие проблемы социальной политики Советского государства в период новой экономической политики и социалистической модернизации. На конкретных примерах рассматриваются меры, направленные на борьбу с безработицей и планомерное развитие системы подготовки рабочих кадров для развивающейся быстрыми темпами промышленности.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, индустриализация, безработица, биржи труда, демобилизованные красноармейцы, молодежь, подготовка рабочих кадров, школы ФЗУ, квалифицированные рабочие кадры.*

20–30-е гг. XX в. в истории России занимают особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических и политических событий: неизжитые последствия мировой и гражданской войн, сплошная коллективизация с ее раскулачиванием, насильственным переселением населения, форсированной индустриализацией, голод 1921 и 1932–1933 гг., массовые репрессии и т. д. Остановимся на двух мерах социальной политики государства в 1920–1930-е гг. – на проблеме безработицы и подготовки кадров, т. к. от решения этих вопросов зависела дальнейшая судьба социально-экономической реконструкции народного хозяйства СССР, судьба самой советской власти.

Исследовательский интерес к социальным проблемам 1920–1930-х гг. во многом продиктован «социальным заказом» последних лет. Современная модернизация социально-экономического развития России обнажила многие проблемы общественного развития, решение которых требует обращения в том числе и к опыту периода НЭПа, индустриализации.

Переход к НЭПу усилил социальное расхождение общества и привел к серьезным изменениям в социальном укладе жизни. Страх потерять работу, падение уровня жизни, усталость от тягот повседневной жизни вызывали у рабочих чувство беззащитности перед про-

изволом властей, заставляли их приспособляться к реалиям жизни.

Несбалансированность системы «государство – общество» вызывала естественные действия общества на предложенные ему условия существования, где безработицу можно рассматривать, по мнению отечественных исследователей, как одну из форм этой реакции, один из наиболее ярких социальных катаклизмов периода НЭПа [11, с. 30–31].

В годы НЭПа безработица коснулась всех профессиональных групп и слоев населения. Больше всего она поразила бывших работников государственного сектора – 90% всех рабочих и служащих. Каковы же основные источники безработицы в начальный период НЭПа? Во-первых, это процесс массовой консервации и ликвидации убыточных промышленных предприятий. Во-вторых, возвращение в города бывших работников и служащих, покинувших места проживания в годы Гражданской войны, спасаясь от голода, холода и репрессий. В-третьих, проведение массовой демобилизации из рядов Красной армии (только в 1921–1923 гг. было уволено 3,5 млн чел.) [13, с. 6]. Более половины безработных в этот период составляли рабочие, в основном (почти 50%) квалифицированные. Только во второй половине 1920-х гг. их удельный вес среди не имеющих работы сократился до 20%.

В рассматриваемый период биржи труда являлись посредниками между работодателями и наемной рабочей силой, т. е. имели монопольное положение на рынке труда. Партийно-государственная власть придала их деятельности «классовый» характер. До 1925 г. направление на работу осуществлялось исключительно через биржи труда в порядке строгой очередности. В первую очередь направлялись квалифицированные рабочие и специалисты, состоящие в рядах профсоюза, со стажем работы по найму. Потом шли демобилизованные красноармейцы. Такая система набора рабочей силы ударила по инженерно-техническим кадрам: несмотря на огромный дефицит последних, они не стали желанными лицами на производстве. В СССР в период НЭПа уровень безработицы среди работников умственного труда составлял 15%, тогда как среди инженерно-технических работников он был еще выше. Причем государственная статистика значительно уменьшала данные о них, т. к. на учет становились, прежде всего, члены профсоюза, а ими являлись не более 60% технических работников [1, с. 53].

Структура безработицы в рассматриваемый период выглядела следующим образом:

в возрасте до 25 лет было 44% от всех безработных, от 25 до 40 лет – 38% и свыше 40 лет – 18%. Более половины безработных составляли женщины [9. Л. 5]. Сохранению переколов на рынке труда способствовала деятельность профсоюзов, носившая ярко выраженную антиженскую, антикрестьянскую и антиподростковую направленность.

Безработица к концу НЭПа составляла 1,5 млн чел., или почти шестую часть общей численности рабочих и служащих страны. Огромная ее численность значительно снижала уровень жизни населения, порождала такие негативные социальные явления, как воровство, пьянство, проституция и т. п.

Проблема ликвидации безработицы правомерно рассматривалась в неразрывной связи с задачами формирования слоя многочисленных квалифицированных рабочих. Индустриализация, массовое использование различного рода машин и механизмов требовали повышения грамотности населения страны, его профессионального роста. В этих условиях подготовка рабочих кадров решала в значительной степени и сложную проблему безработицы, т. к. почти половину безработных составляла молодежь.

Особая роль в этом процессе принадлежала школам фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Наиболее прогрессивная сторона деятельности школ ФЗУ, на наш взгляд, заключалась в том, что они не только решали проблему профессионально-технической подготовки молодого поколения рабочего класса социалистического государства, но и одновременно способствовали ликвидации неграмотности.

Однако у такой формы подготовки рабочих кадров в 1920-е гг. было немало серьезных противников. Так, в 1924–1926 гг. работой по созданию методик и программ по ускоренной подготовке рабочих кадров занимался Центральный институт труда (ЦИТ). За этот период на 1 700 учебных базах ЦИТа было подготовлено свыше 500 тыс. рабочих по 200 профессиям и более 20 тыс. инструкторов производственного обучения. Работники ЦИТа выступали в печати, в дискуссиях с критикой в адрес школ ФЗУ [10, с. 33]. Они считали, что подготовка кадров – задача узкопроизводственная, и она не должна связываться с решением «побочных» задач повышения культурно-технического, политического и общеобразовательного уровня, т. к. это удорожает подготовку рабочих [3, с. 33].

У ряда хозяйственных руководителей в 1920-х гг. было распространено мнение, что при грядущей автоматизации производ-

ства и строительства не нужно будет много высококвалифицированных рабочих, они исходили из того, что для подготовки рабочих кадров достаточно трех-четырёх недель. Развитию школ ФЗУ продолжали препятствовать также и сторонники индивидуально-бригадного ученичества. Выступая на VIII съезде профсоюзов в декабре 1928 г., секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев подчеркнул, что подготовка молодых рабочих должна носить учебно-производственный характер, поднимать в целом грамотность, культуру, образование и что поэтому ликвидация школ ФЗУ недопустима [12, с. 145].

Несмотря на ликвидацию безработицы, широкое вовлечение молодежи в производство (к началу 1933 г. молодежь составляла более 40% рабочих), возрастание до 70% удельного веса выпускников школ ФЗУ и профшкол среди новых пополнений, проблемы обеспечения народного хозяйства квалифицированными рабочими кадрами продолжали оставаться острыми. Это было обусловлено рядом факторов: снижением темпов роста численности рабочего класса, широким развитием школьного образования, уменьшением притока рабочих из деревни, вступлением в трудовой возраст военного поколения, а также просчетами в планировании подготовки кадров в конце 1920-х гг.

Сеть ФЗУ в начале 1930-х гг. росла быстрыми темпами. Пятилетний план развития народного хозяйства СССР предусматривал капитальные вложения в эту сферу образования в размере 222 млн руб. Число школ ФЗУ за годы первой пятилетки по СССР увеличилось более чем в 1,6 раза [5, с. 107].

Для решения стоявших перед системой профтехобразования задач многое зависело и от наличия педагогических кадров. В первые годы советской власти почти в 40% учебных заведений профтехобразования преподаватели не имели высшего образования. По итогам Всесоюзной переписи 15 декабря 1927 г., в школах ФЗУ и типа ФЗУ преподавателей с высшим образованием было 47,3% к общему их числу, с незаконченным высшим – 16,9%, средним – 24,1%, незаконченным средним – 1,3%, низшим и домашним – 10,4% [2, с. 33].

Ситуация мало изменилась во второй пятилетке. Преподаватели школ ФЗУ с соответствующим образованием составляли в 1935 г. лишь 47,5%, а в ряде случаев этот процент был еще ниже [6, с. 138–139].

Одной из острых проблем в подготовке рабочих кадров была текучесть учащихся учебных заведений профтехобразования. Основ-

ные причины, влияющие на высокий процент отсева учащихся, заключались в следующем. Во-первых, оплата учеников отдельных школ ФЗУ была неравномерной. Во-вторых, в большинстве школ ФЗУ отсутствовали общежития, а имеющиеся находились в неудовлетворительном состоянии (требовался ремонт, укомплектование инвентарем, оборудованием, мебелью и т. п.). В таком же положении находились школьные столовые и буфеты. Жилищно-бытовые проблемы остро стояли на повестке дня работы партийных, профсоюзных комитетов, а также советских и хозяйственных органов. В-третьих, отмечалась низкая закрепляемость выпускников школ ФЗУ на производстве.

Повседневное внимание руководства СССР в рассматриваемый период к вопросам подготовки квалифицированных рабочих обеспечило значительные успехи в этой сфере образования. Об этом говорит рост числа учащихся школ ФЗУ в СССР к концу первой пятилетки с 243,4 тыс. до 975 тыс. [5, с. 107].

XVII съезд партии (февраль 1934 г.) указал в резолюции о втором пятилетнем плане, что «решающим условием осуществления технической реконструкции, освоения техники и выполнения заданий по производительности труда является подготовка квалифицированных рабочих, техников и инженеров» [14, с. 665]. Съезд наметил программу по подготовке новых кадров рабочих. Перед системой профтехобразования были поставлены большие задачи. Во второй пятилетке необходимо было подготовить 5 млн работников массовых квалификаций, в том числе 2,5 млн чел. в школах ФЗУ, свыше 1,5 млн чел. в стационарных школах [Там же], что предполагало дальнейшее развитие системы профессионально-технического образования в стране.

Еще с 1933/34 учебного года в истории школы ФЗУ начинается новый период. 27 апреля 1933 г. Нарком труда СССР подает в ЦК ВКП(б) докладную записку «О школах ФЗУ», в которой отмечалось, что «состояние подготовки отстает от требований производства, методы учебы устарели, стоимость обучения недопустимо высокая, и ФЗУ в значительной степени оторвано от предприятия» [4. Л. 87].

В августе-сентябре 1933 г. приказами наркомов тяжелой и легкой промышленности и путей сообщения школа ФЗУ была превращена в резко выраженную профессиональную школу с сокращенными сроками обучения (6 и 12 месяцев) и суженным перечнем производственных профессий. Эти мероприятия были закреплены постановлением ЦИК и

СНК СССР от 15 сентября 1933 г. «О школах фабрично-заводского ученичества» [8, с. 57].

Каковы же причины столь резкой переориентации школы ФЗУ? Целый ряд причин приводится в указанном постановлении: чрезмерная длительность сроков обучения, их унифицированность, перегрузка учебных планов общеобразовательными предметами, уход выпускников на учебу в вузы и т. д. Действительно, влияние этих факторов ослабляло связи ФЗУ с производством, однако подлинные причины, на наш взгляд, лежат значительно глубже. Перестройка школы ФЗУ не носила изолированного характера, а была тесно связана с перестройкой всей системы народного образования СССР в 1930–1932 гг.

Основной смысл сентябрьского постановления (1933 г.) ЦИК и СНК СССР сводился к тому, что школа ФЗУ должна была целиком сосредоточиться на подготовке рабочих, а средняя школа – готовить абитуриентов в вузы.

В 1933 г. ФЗУ союзной сети приняли только 29,9% выпускников семилетки [6, с. 75]. Двухлетний срок обучения не позволял одновременно удовлетворительно готовить рабочие кадры и абитуриентов в высшие учебные заведения. По мнению руководства промышленных наркоматов, серьезным тормозом в решении проблемы рабочих кадров была ориентация ФЗУ на вузы, а им были нужны, прежде всего, рабочие кадры. Отсюда их требования о необходимости разграничения функций различных типов школ и передачи сети ФЗУ в ведение отдельных промышленных наркоматов.

Постановление правительства от 15 сентября 1933 г., к сожалению, не улучшило, а ухудшило положение в деле подготовки рабочих кадров в целом по стране. В середине второй пятилетки стали сказываться отрицательные последствия полной передачи школ ФЗУ в ведение хозяйственных органов. Если в 1929 г. школы ФЗУ находились в ведении лишь ВСНХ СССР и НКПС, то в 1939 г. они были разделены между 21 наркоматом со своими отделами подготовки кадров.

Децентрализация руководства и отсутствие твердого общегосударственного планирования привели к сокращению сети и контингентов: если в 1933/34 учебном году имелось 23 57 школ ФЗУ с 400 тыс. учащихся, то к 1938/39 учебному году число школ сократилось до 1 535, а учащихся – до 242 тыс. [5, с. 107].

В правительстве также начали понимать ошибочность сокращения сроков обучения в ФЗУ. Постановлением СНК от 22 августа 1935 г. Наркомату тяжелой промышленности

было разрешено удлинить сроки обучения по наиболее сложным и ответственным специальностям до полутора, а в отдельных случаях и до двух лет [7, с. 405]. Вскоре это решение было распространено и на другие наркоматы.

Большинство школ ФЗУ вернулись на полутора-двухгодичный, а некоторые и на трехгодичный срок обучения. К 1939 г. школа ФЗУ вернулась к срокам обучения 1931 г.: школы со сроком обучения 1,5–2 года составили 82,6%, а шести-девятимесячные – только 0,3% [5, с. 135]. Увеличение сроков обучения разрешало и возрастную проблему, ликвидируя трудности в размещении выпускников, как правило, не достигших к моменту выпуска совершеннолетия.

Огромный ущерб развитию профессионального образования был нанесен и в период массовых репрессий 1936–1938 гг. Действительно имевшие место ошибки в деле подготовки кадров вместо глубокого анализа их причин приписывались деятельности «врагов народа». Многие видные работники профессионально-технического образования были репрессированы.

В результате ошибочно принятых решений в годы второй пятилетки шел процесс постепенного отставания системы ФЗУ от потребностей народного хозяйства. Для его преодоления и обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы в октябре 1940 г. на базе ведомственной системы ФЗУ была создана единая общегосударственная система подготовки рабочих кадров – система трудовых резервов. И все же, несмотря на серьезные трудности, возникшие в системе подготовки рабочих кадров, школы ФЗУ в годы второй пятилетки сыграли важную роль в освоении новой техники, подготовке технически грамотных рабочих, в решении проблем безработицы.

В годы первых пятилеток в строй вступило примерно 9 тыс. крупных предприятий, число только промышленных рабочих возросло с 4 до 10 млн чел. Только в годы второй пятилетки было подготовлено 5 млн рабочих кадров. Все это в целом привело к ликвидации массовой безработицы в стране, к росту числа высококвалифицированных рабочих кадров.

Список литературы

1. Абрамов В.Н. Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.). СПб., 1997.
2. Всесоюзная школьная перепись 15 декабря 1927 г. М., 1930. Т. II.

3. Гастев А.К. Трудовые установки. М., 1924.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5515. Оп. 1. Д. 621.
5. Культурное строительство в СССР: стат. сб. М.–Л., 1940.
6. Культурное строительство в СССР в 1935 г. М., 1936.
7. Народное хозяйство СССР: стат. справочник. М.–Л., 1932.
8. Сборник законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. М., 1934.
9. Чагадаев Ц.-Д.Д. Политика советского государства в решении проблем безработицы в 20-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
10. ЦИТ и его методы. М., 1970.
11. Юдина Т.В. Социальная политика партии большевиков и массовое сознание рабочих в период НЭПа // Россия 20-х годов уходящего столетия: тез. Первой Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1995.
12. VIII съезд профессиональных союзов. М., 1929.
13. X лет Красной Армии (1918–1928). М., 1928.
14. XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.–Л., 1934.

* * *

1. Abramov V.N. Tehniceskaja intelligencija Rossii v uslovijah formirovanija bol'shevistskogo politicheskogo rezhima (1921 – konec 30-h gg.). SPb., 1997.
2. Vsesojuznaja shkol'naja perepis' 15 dekabrja 1927 g. М., 1930. Т. II.
3. Gastev A.K. Trudovye ustanovki. М., 1924.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. 5515. Op. 1. D. 621.
5. Kul'turnoe stroitel'stvo v SSSR: stat. sb. М.–Л., 1940.
6. Kul'turnoe stroitel'stvo v SSSR v 1935 g. М., 1936.
7. Narodnoe hozjajstvo SSSR: stat. spravochnik. М.–Л., 1932.
8. Sbornik zakonov i rasporyzhenij Raboche-krest'janskogo Pravitel'stva SSSR. М., 1934.
9. Chagadaev C.-D.D. Politika sovetskogo gosudarstva v reshenii problem bezraboticy v 20-e gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. М., 1993.
10. CIT i ego metody. М., 1970.
11. Judina T.V. Social'naja politika partii bol'shevikov i massovoe soznanie rabochih v period NJePa // Rossija 20-h godov uhodjashhego stoletija: tez. Pervoj Vseros. zaoch. nauch. konf. SPb., 1995.
12. VIII s#ezd professional'nyh sojuzov. М., 1929.
13. X let Krasnoj Armii (1918–1928). М., 1928.
14. XVII s#ezd VKP (b). Stenograficheskij otchet. М.–Л., 1934.

Elimination of unemployment and staff training as a measure of social policy of the Soviet state in the 1920-1930s

The article deals with the most important issues of the social policy of the Soviet state in the period of the new economic policy and socialistic modernization. Based on some particular examples, it describes the measures aimed at the struggle against unemployment and the systematic development of the system of staff training for the rapidly developing industry.

Key words: *new economic policy, industrialization, unemployment, labor exchanges, demobilized red army soldiers, youth, staff training, qualified workers.*

(Статья поступила в редакцию 29.08.2018)

А.С. ХАЛИМОВА
(Волгоград)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТАВОВ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Проанализированы уставы Всесоюзного общества «Знание» советского периода. Сделан вывод о том, что общество «Знание» в своем функционировании претерпело некоторые изменения: структура, характер, цели и задачи в разные периоды имеют свои особенности.

Ключевые слова: *Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, общество «Знание», устав, пропаганда.*

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 11 декабря 2015 г. № 617 была создана Общероссийская общественно-государственная просветительская организация «Российское общество “Знание”» [18]. Российское общество «Знание» является добровольной организацией, которая направлена на «устойчивое инновационное экономиче-